

84(2Рос = Рус)Уин
М52

Юрий Меринов

роман

15.03. - 2

13.06.69

15.07.85

22.05.129

9.07.217

19.02.144

13/4-756

10.02.79

15.02-150

Моим землякам,
кто во имя справедливости
не щадит самого себя,
посвящается.

84 (2 Рос = Рус) бщ
M152

Юрий Меринов

ПРОСТИТЕ НАС, ЛЮДИ...

Роман

105801

**Библиотека-музей
г. Находка**

Книга получена в дар
от _____

Издательство
Русский Остров
Владивосток
2002

ОН ЦБС
г. Находка

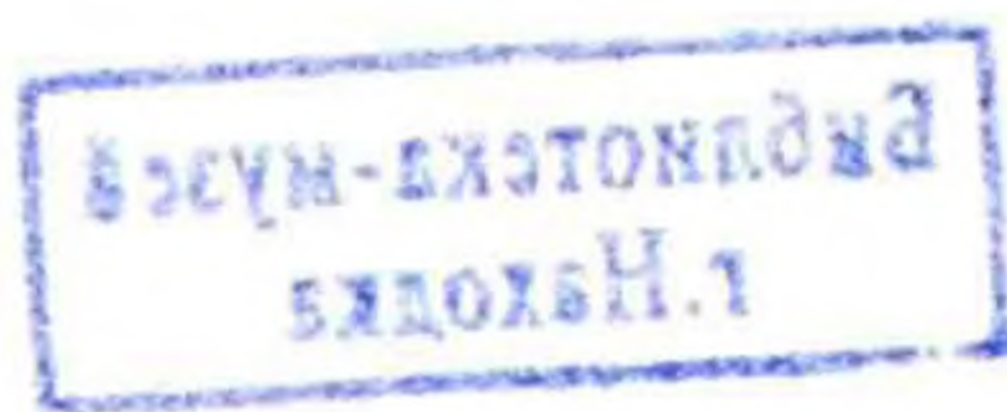
*Автор выражает глубокую благодарность
генеральному директору ОАО «Находкинский морской торговый
порт» Мясникову Гелю Николаевичу за финансовую поддержку
в выходе романа.*

Меринов Ю.

Простите нас, люди... Роман. – Владивосток: Русский Остров, 2002. –
344 с.

Очередная книга приморского писателя Юрия Меринова, в которой он не изменяет своему стилю, предлагая читателю весьма закрученный сюжет.

... Когда двум ровесникам судьба уготовила разные пути, когда истинный воин защищает свою Родину и сталкивается с теми, кто готов продать ее ради собственной наживы, когда один жаждет справедливости, а другой мести, то круговорот драматических событий неизбежно ведет то ли к гибели, то ли к прозрению.

Власть, коррупция, жажда наживы... Неизменные пороки человечества с незапамятных времен. Они то затухают, то расцветают с новой силой, но были, есть и наверняка будут. По крайней мере цивилизованное общество пока так и не придумало противоядия.

В средствах массовой информации немало бытует сообщений о разгуле преступности, сращивании властных структур и криминального мира, открыто говорится, что во всем виновата власть.

События, описываемые в данной книге, могли произойти не только в Приморье, но и в любом другом городе, на любой иной территории. За персонажами произведения нет ни одного реального лица в действительной жизни. Все они придуманы автором, точно так же, как место действия и происходящие события. И если вдруг, по случайному стечению обстоятельств, кто-то узнает себя, своих родных, близких, знакомых или незнакомых, то, значит, это было или могло быть.

*Воюя с негодаями,
оставляй им путь к отступлению.
Быть с ними беспощадным — все равно,
что закупорить мышиную нору:
мыши, сдохшие в норе, отравят все вокруг.*

Хун Цзы-чэн —
китайский мудрец XVII века.

I

Вот уже десять дней небольшой портовый городок Приморск, обосновавшийся почти полвека назад на берегах одной из живописнейших бухт Японского моря, живет ожиданиями. Ранним утром, когда еще первые проблески нарождающегося дня пытаются разогнать темноту отжившей ночи, в многочисленных домах то здесь, то там загораются электрические огоньки и хозяйки, чуть отойдя от беспокойных снов, включают радио и внимательно вслушиваются в сообщения диктора местной радиостанции. Надо не пропустить ни единого слова, чтобы потом, когда встанут остальные домочадцы, пересказать услышанное до мельчайших подробностей. Наверное, вот так же слушали каждое утро их дедушки и бабушки, матери и отцы сводки Советского информбюро с фронтов Великой Отечественной войны. Но тогда была всеобщая беда, а сейчас...

Спеша на работу, обязательно делились новостями со своими подругами, соратниками по труду, просто незнакомыми людьми, с которыми было по пути. И хотя слушали одну и ту же информацию, не переставали удивляться, почему именно на тот факт не обратили особого внимания. Об этом говорили на переполненных остановках, толкаясь

в битком набитых автобусах, в рабочих кабинетах, на лестничных площадках, во время перерывов. Порой казалось, что все трудоспособное население значительно поредевших в последнее время участков, цехов, отделов и управлений, включая женщин, одновременно закурило. Взглянешь со стороны — и едва различаешь, словно в пелене тумана, неясные силуэты людей, принявших свои излюбленные, привычные позы или оживленно размахивающих руками. У потолка, как принято говорить, можно топор вешать. Мгновенно, затихают споры, и, словно издавка, слышится чуть охрипший, прокуренный голос добровольного информатора, в который раз пересказывающего услышанное еще утром, но с новыми подробностями и предположениями о дальнейшем ходе развития событий. Странно, что никто не перебивает, не старается высказать свою, отличную от других, точку зрения. Все как будто заранее соглашались, что так и будет или должно быть, хотя на следующее утро оказывается, что все происходило совершенно по-другому. Даже по телефону, едва поздоровавшись, горожане задавали друг другу один и тот же вопрос: «Как там?». Вдруг да выяснится что-то такое, чего пока не знают остальные. Подчас, ошеломленные новостями, бросают трубку и спешат первыми рассказать обо всем услышанном сослуживцам, забыв даже, по какому поводу они звонили и какой вопрос хотели выяснить. Как сообщало городское управление связи, количество междугородних телефонных звонков увеличилось за эти дни почти на сорок процентов.

Иногда то один, то другой из работающих незаметно исчезал со своего привычного места на часик-полтора. Благо, сейчас мало кого из начальства интересовало, вышел ли тот на работу или отсутствует, как обычно, с разрешения администрации, которого никто не давал. Тяжелое финансовое положение и отсутствие заказов определяли дисциплину и порядок. Зато на следующем перекуре будоражащая город история дополнялась новыми фактами, обрастала домыслами и рассуждениями.

Происходящее обсуждали немногочисленные очереди в торговых рядах и на стихийных базарчиках, расположившихся вдоль тротуаров, разложив свой небогатый товар на картонных коробках с бросающимися в глаза иностранными надписями, на пластмассовых ящиках из-под пива, пеньках недавно спиленных, отслуживших свой срок тополей, а то и просто на аккуратно расстеленных вчерашних номерах городской газеты «Приморский проспект», начавшей выходить с приложением и увеличившей тираж.

Вечером, как запрограммированные роботы, спешили по домам, чтобы ровно в девятнадцать ноль-ноль послушать экстренный выпуск последних известий местного телевидения с комментариями известного в городе правоведа. Теперь уже главы семей, пока жены готовили ужин, вальяжно расположившись на четвероногом друге, как стали называть в последнее время диван, пристально всматривались в бесстрастное лицо диктора Альбины Успенской, словно оно могло сказать больше, чем было написано в тексте и завизировано выпускающим редактором о событиях уходящего дня. И каким бы заядлым болельщиком ни был хозяин, даже выпуск спортивных новостей или трансляция футбольного матча отходили на второй план, и тот не мог себе позволить переключиться на другой канал. А потом, сидя за столом, тщательно пережевывая молодую картошку с первыми малосольными огурчиками, делился впечатлениями со всеми домашними, присутствующими на вечерней трапезе. Даже дети старшего школьного воз-

раста стремились в это время находиться дома. Последние известия можно было посмотреть повторно, ближе к полуночи, но никто не делал этого. Всем не терпелось узнать свежие новости как можно раньше. Словно понимая жизненную необходимость приморцев следить за происходившими событиями, власти нашли резервы, а высокое энергетическое начальство пошло навстречу и перестало именно в часы «Вечерних новостей» отключать электроэнергию.

Несколько позже, когда первые сумерки начинали опускаться на город, многие, у кого была возможность и не обуяла накатившаяся усталость, выходили на улицу подышать свежим воздухом, выкурить сигарету-другую, прогулять любимых собак, которые, словно мода, вошли чуть ли не в каждую семью. Никто даже не поднимал среди домашних вопрос: «А чья же сегодня очередь?». Ведь было главное: послушать стариков-пенсioenеров, которые всегда знают все раньше всех и значительно больше всех. А для них — нет большей радости, если кто-то из присутствующих по каким-то причинам не в курсе последних новостей, задает вопросы, уточняет подробности. Тут уж старички постараются и преподнесут себя во всей красе.

У них теперь иной, особый распорядок дня. Уже отвыкли по утрам спешить на работу, вставая пораньше, отошли от проблем предприятий и организаций, с которыми прожили не один десяток лет и долгое время казалось, что не расстанутся никогда. Если не понимали накопившиеся за нелегкую жизнь различные недуги, не давило сердце и не скакало давление, позволяли себе полежать подольше, не спеша вставали, неторопливо умывались, приводили себя в порядок, разминая отекавшие, скрипящие суставы и негнувшиеся спины, принимали скудный диетический завтрак, насколько позволяла нерегулярно выдаваемая пенсия, одевались, исходя из погоды, проверяли, на месте ли валидол или нитроглицерин, клали в карман на всякий случай бутерброд или просто кусочек хлеба и задолго до очередного заседания тянулись к местному дворцу, который, оказывается, недавно переименован в муниципальный центр культуры. Многие приходили с походными рыболовными или дачными самодельными складными стульчиками. В зале, даже если прийти пораньше, не всегда можно было найти свободное место. Да и трудно в пожилом возрасте высидеть в душном, плохо проветриваемом помещении. Дышащая на ладан вентиляция явно не справлялась с возложенными на нее обязанностями. Выдержав часа два-три, кое-кто из ветеранов выходил на улицу изнеможенным и вспотевшим, усаживался под раскидистыми кронами деревьев и внимательно прислушивался к хрипящим динамикам, которые еще в первые дни по многочисленным просьбам жителей были выведены на улицу. Специалисты дворца из-за ветхости устаревшего оборудования так и не смогли добиться ясного, отчетливого звучания. На все вопросы наиболее дотошных виновато опускали глаза и клятвенно обещали постараться сделать хоть что-нибудь. Только поэтому подчас кто-то, не расслышав, пытался переспросить у таких же, как он, но на того ожесточенно шикали, и пенсионер обиженно доставал из затертого алюминиевого пенальчика очередную таблетку, клал под язык, чтобы, немного успокоившись, продолжать слушать, насколько позволяло расшатанное долголетним тяжелым трудом здоровье. Ведь вечером, в своем дворе, они обязаны рассказать все и даже больше, чем происходило.

В первые дни многочисленные наряды милиции и подразделение ОМОНа в пятнистом обмундировании зорко следили за общественным порядком, покрикивая на чересчур любопытных, многозначительно поигрывая резиновыми дубинками и демонстративно держа открытыми кобуры пистолетов, в которых ничего не было. Но вскоре сами убедились, что никто не собирается митинговать, устраивать шествия и пикеты, выкрикивать непотребное, и успокоились. А может быть, надоело, стыдно стало демонстрировать силу перед жителями, которые, не скрываясь, откровенно бросали в адрес стражей правопорядка недвусмысленные намеки. Лишь ребятишки, которым было абсолютно безразлично, что происходит за стенами этого солидного, построенного в конце пятидесятых годов, со строгими колоннами у входа учреждения, выкрашенного в традиционный для морского города голубой цвет, нарушали сложившуюся мирную, но напряженную обстановку. Они бы давно разошлись по своим детским неотложным делам, но хорошо усвоили: раз собрались взрослые, значит должно быть что-то интересное. Как ни странно, на этот раз их никто не выгонял. Поэтому целыми днями носились по небольшой площадке вокруг памятника Владимиру Ильичу Ленину (лишь по счастливой случайности уцелевшего на своем месте в период разгула борьбы за демократию, не повторив участь более монументальных и значимых сооружений), оглашая окрестность отчаянным визгом и лихим пересвистом, за что наиболее прыткие из них награждались суровыми взглядами старших, а иногда и незлобивыми подзатыльниками и шлепками пониже спины от находящихся при исполнении. Будь ребятишки чуть постарше и их детский разум воспринимал бы происходящее во всей глубине, им действительно было бы что послушать.

Казалось, в эти дни от жителей Приморска отступили все проблемы. Их не интересовали многочисленные, по всей стране, забастовки и лежащие на рельсах шахтеры, угрожающие бойкотировать начало учебного года, уставшие от обещаний на всех уровнях учителя и голодающие врачи со станций скорой медицинской помощи. Сами, без каких-либо увещеваний, вдруг отказались перекрывать главную улицу города в знак протеста против многочасовых отключений света. Они не реагировали на участившиеся случаи похищения людей в Кавказском регионе и раздражающие угрозы чеченских полевых командиров и их покровителей в адрес русскоязычного населения. Не сетовали на постоянно задерживаемую зарплату и бесконечные разговоры о повышении пенсий. Не волновали их и новые законы, принятые совсем недавно Государственной Думой, способные привести к значительному снижению их жизненного уровня. Даже Президента, к которому многие из них еще несколько лет назад благоволили, считали чуть ли не царем-батюшкой, способным вывести страну из мрачного коммунистического прошлого, на некоторое время перестали воспринимать. Лишь многозначительно улыбались, когда тот на какое-то мгновение во время очередного переезда из больницы в санаторий появлялся на экранах телевизоров, словно манекен, а потом продолжительное время официальные лица не переставали утверждать, что тот выглядит вполне работоспособным и у него достаточно твердое рукопожатие. Их жизненный опыт подсказывал, что недавно назначенный с третьей попытки премьер-министр С. Кириенко, который считался русским только по матери, — бабочка-однодневка, мальчик в розовых штанишках, поэтому его красноречивые высказывания по переустройству страны и стабилиза-

ции экономики никто не воспринимал всерьез. Даже если вдруг начинался разговор о бесконечной дискуссии по захоронению останков царской семьи, то на инициатора смотрели укоризненно, как на пришельца с другой планеты, и тот стыдливо умолкал, обиженно поджимая губы, старался скорей ретироваться. Они перестали спешить на свои дачные участки и огороды, ставшие чуть ли не единственным кормильцем при полупенсии, на которую нормальный человек прожить не сможет. Все ждали финала процесса, которое местная пресса охарактеризовала «важнейшим из городских событий конца двадцатого века».

Ведь на открытом выездном заседании краевого суда под председательством известного юриста Вениамина Санжаровского в их городе слушалось уголовное дело по обвинению гражданина Постникова Якова Валерьяновича по восьми статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Еще совсем недавно они были в большинстве своем твердо убеждены, что их земляк — классический пример современного бизнесмена в самом позитивном понимании, который в тяжелое время демократических преобразований, неразберихи и хаоса, кризиса в экономике и бардака в политике нашел свое место и в нелегких условиях рыночных отношений умело ведет дело. Не отгородился, подобно некоторым, от насущных городских проблем, ездит на скромной автомашине, без сопровождения крепко накачанных, с литыми стриженными затылками молодых людей, и большую часть заработанных средств отдает на поддержание малоимущих и обездоленных. Два года назад, чуть ли не единогласно, с радостью отдали свои голоса, избрав депутатом городского собрания. Как маленькие дети радовались, если Яков Валерьянович входил или возглавлял одну из общественных организаций. Были уверены, что одним благородным делом станет больше. Год назад даже создали несколько инициативных групп, обратившихся к нему с просьбой дать согласие на выдвижение и баллотироваться в мэры своего города. Бизнесмен Постников выступил тогда на местном телевидении, растроганно поблагодарил жителей за оказанное доверие и отказался, сославшись на недостаточный опыт хозяйственной и общественной работы и большие обязанности возглавляемой им компании перед иностранными партнерами. В заключение попросил своих сторонников поддержать кандидатуру ныне работающего главы администрации Семена Семеновича Гуськова, который немало сделал для Приморска и может сделать еще больше, так как приобрел нужный опыт и знания. Горожане долго обсуждали поступок Постникова и сошлись во мнении, что на следующих выборах их земляк должен быть кандидатом если не в Государственную Думу, то на пост губернатора края обязательно. В городской газете даже появилась заметка о целесообразности создания общественного движения «Бизнес и общество».

Правда, ходили отдельные слухи и иного толка. Но большинство считало, что их распространяют неудачники, завистливые конкуренты, способные лишь на злобную клевету. Даже когда Яков Валерьянович начал строить солидный коттедж с бассейном и теннисным кортом недалеко от памятника первостроителям города, мнения жителей полярно разделились. Если одни презрительно отворачивались, проходя мимо или проезжая на автобусе, то другие рассуждали примерно так: человек столько сделал для родного города, что имеет право жить там, где захочет. В отличие от некоторых, честно

зарабатывает свои деньги, уважаемый человек, депутат, обязан жить достойно. К тому же пора давно было снести стоящие на этом месте лачуги, построенные чуть ли не при основании Приморска, портящие общую картину исторического места перед иностранными посетителями. И если у города не доходили руки, не хватало финансов, то их кумир сделал все за собственные средства. Не охавать надо, а благодарить.

И вдруг оказывается, что Яков Валерьянович Постников, известный только самому узкому кругу криминального мира под кличкой «Яшка-Алмаз», последние полтора десятка лет был по существу некоронованным отцом Приморска, крепко держал в руках всю власть, безжалостно расправлялся со всеми, кто вставал на пути и мешал жить так, как он желает. Конечно, кое-кто знал о его истинном лице, кое о чем догадывался, но высказываться открыто не решался никто. То, что вскрывалось на суде, не укладывалось в человеческом понятии. Горожане, на чьих глазах рос и учился, становился на ноги Яков Постников, сын уважаемых в свое время родителей, поначалу отказывались верить, что такое возможно в нашей стране, в их маленьком провинциальном городке на самой окраине земли. Что все происходило где-то здесь, рядом, а не в далекой Италии, на Сицилии, издавна славившейся крепкими мафиозными кланами, о чем поведал в свое время многосерийный телевизионный фильм «Спрут». И хотя разум все еще отказывался воспринимать происходящее, они все-таки осознавали, что это реальная действительность, от которой никуда не деться, не уйти, и с каждым днем, с каждым новым фактом становились все сдержаннее в своих эмоциях. Приветливые лица постепенно каменели, глаза делались холодными, руки непроизвольно сжимались в кулаки. Люди не могли открыто смотреть в ту сторону, где сидели или стояли, все в черном, сбившись в тесную кучку, родственники, близкие и знакомые тех, чьи загубленные души находились на совести Яшки-Алмаза и его подельщиков. И хотя напрямую среди присутствующих в зале суда никто не был ни в чем виноват, чувствовали свою вину уже потому, что при их помощи, молчаливом согласии, бездеятельности вырос, жил и «творил» монстр, которому нет пощады.

Помниающие недобрым словом того, кем они еще вчера восхищались, с затаенной гордостью произносили имя Виктора Луцышина, тоже своего земляка, который совсем недавно вернулся в родные места и в одиночку бросил вызов криминальному миру. До этого мало кто ведал, что Виктор не побоялся открыто ступить на опасную тропу войны. Не знали жители, что в самый решающий момент тот был тяжело ранен и почти три месяца находился на грани жизни и смерти. Но, видать, Господь Бог вовремя подставил свои руки этому бесстрашному человеку, вдохнул в остывающую душу свежие целительные силы, и старуха-смерть отступила. Осунувшееся, исчерченное морщинами лицо все еще отдавало какой-то неестественной синевой. Но голос звучал твердо, решительно, и в каждом слове ощущалась уверенность в правом деле. Люди чувствовали это и в душе благодарили Луцышина, каждый мысленно старался пожать ему руку. Хотя совсем недавно многие и не предполагали о его существовании, искренне вздыхали, почему не знали парня, который рос и жил несколько лет рядом с ними. Не могли знать, что тот снова в родном городе. Ведь за двадцать пять с небольшим лет слишком много воды утекло.

На исходе дня, когда июльское солнце готовилось спрятаться за покрытые лесом верхушки окрестных сопок, суд удалился на совещание. Оно длилось не слишком дол-

го, самое большое около часа, но томительные минуты ожидания казались вечностью. Среди тех, кто остался дожидаться оглашения приговора суда, не было привычных разговоров, словно каждый вновь и вновь прокручивал в памяти события последних дней. Была выкурена не одна сигарета, пока суд не вынес свой вердикт: ...признать гражданина Постникова Якова Валерьяновича, 1953 года рождения... виновным в совершении преступлений по статьям... Уголовного кодекса Российской Федерации... и приговорить к высшей мере наказания.

Это в кино бы все присутствующие в зале и находящиеся на площади перед Дворцом, непременно разразились бы бурными рукоплесканиями в одобрение вынесенного справедливого решения, отвечающего чаяниям простого трудового народа. Здесь было все по-другому: люди в молчании выслушали приговор, ибо каждый был уверен, что иного не могло быть, и так же молча разошлись по домам.

Опустившаяся темнота летней ночи еще долго будет высвечиваться яркими огоньками окон, за которыми вновь и вновь станут продолжать обсуждение произошедшего. Родители вдруг всполошатся, что недостаточно уделяют внимания своим детям, не знают по-настоящему, чем те живут, интересуются, в каких компаниях проводят свободное время и почему их чада подчас приходят глубоко за полночь с запахом спиртного и табака. В памяти, словно кадры замедленного кино, начнут всплывать отдельные факты и фактики, которые в родительском умозаключении вдруг выстроятся в неприятную логическую цепочку, отчего станет не по себе. Убийственные слова: пьянство, проституция, наркомания, преступление — будут застревать в ушах, вызывая недоумение и растерянность. В который раз посетуют, что с экранов телевизоров преподносится жестокость, насилие, кровь, секс, чего не было в годы их юности. В магазинах и киосках доступно купить такие видеокассеты, от просмотра которых волосы становятся дыбом и стынет в жилах кровь. Достанется всем, от депутатов до правительства, самому Президенту, что разрешили такое и не принимают никаких мер. Теперь не знаешь, как уберечь своих великовозрастных детей от всей этой напасти. Остается горестно вздохнуть о недалеком прошлом, когда и на «прозаические» фильмы дети до шестнадцати лет не допускались. И еще много, много разных предположений взволнуют немолодые, надорванные сердца и раньше времени поседевшие головы. Родители будут долго мучиться, пить успокоительное, нервно курить у открытой форточки, но так и не найдут, кому предъявить претензии за тревожную жизнь своих детей: самим себе, школе, улице, обществу, государству или всем сразу. Дети не понимают, не хотят понять, что каждый их необдуманный шаг, проступок, просто шалость, которые забываются очень быстро в юном возрасте, остаются жестокой зарубкой на сердце родителей. И не каждый отец или мать способны такое выдержать. Они поймут все только тогда, когда сами пройдут сложную дорогу родительских университетов. И дай бог, чтобы у них в жизни все сложилось хорошо. Наверное, отходя ко сну, почти каждый задаст в очередной раз себе один и тот же вопрос: «С чего все началось?».

II

Придите сегодня в школьную аудиторию или молодежное общежитие, на танцплощадку, если где-то таковые еще остались, или на дискотеку и спросите у современных

парней и девчат, когда умер «отец всех народов» — человек, правивший самой великой державой на планете почти три десятилетия, Иосиф Виссарионович Сталин. На вас будут смотреть удивленными глазами, пожимать плечами, называть наугад даты, которые далеко не соответствуют действительности. Да что там какой-то Сталин, если они — полные невежды в истории Великой Отечественной войны, многие не знают, даже приблизительно, когда первый в мире человек побывал в космосе. Зато без запинки назовут поименно состав и репертуар какой-нибудь группы «Рейдл Спайз» или «Отпетые мошенники»; перечислят все хиты популярнейших зарубежных коллективов, названия которых трудно запомнить с первого раза. Современные молодые люди живут иными мерками, у них другие ценности. Стоит ли забивать голову какими-то датами, если у страны, оказывается, нет истории, а то, что было раньше, надо переосмыслить и предстоит переписать заново. Может не стоило тратить огромные средства: строить космические корабли, осваивать Арктику? Полезли туда, куда никто не звал, — от этого и все беды. О чем можно спрашивать, если открыто пишут, что В. И. Ленин — немецкий ставленник, совершавший революцию на деньги и по указке германского империализма! Павлик Морозов — не пионер-герой, а предатель, посягнувший на жизнь самого дорогого человека. До сих пор неясно, кто первым и на кого напал в 1941 году. Оказывается, что молодогвардейцы Краснодона не комсомольцы-герои, а нечистые на руку парни и девчата, потрошившие посылки для германских солдат. За что и поплатились. Нельзя брать чужое. А вознес их до ранга героев писатель А. Фадеев, который слепо выполнял указание коммунистической партии. Стало быть, отцы и деды семьдесят лет строили не светлое будущее, а, затурканные тоталитарной системой, вели нашу страну к пропасти. И только к концу столетия все вдруг открыли глаза, моментально прозрели и вовремя остановились:

Молодежь редко задумывается о завтрашнем дне, и порой кажется, что свежий ветер перемен, налетевший на Россию оглушительным шквалом, настолько закружил, что она не может вырваться, определить себе хоть какую-нибудь цель в жизни. День прошел — и ладно. Конечно, несправедливо навешивать такой ярлык на все молодое поколение, но, к сожалению, таких с каждым годом становится все больше.

В отличие от многих, Яша Постников точно знал эту дату, потому что она была записана в его свидетельстве о рождении. Именно в этот трагический для всей необъятной Родины день появился на свет новый человек, который еще не мог знать, какая книга судьбы предначертана лишь для него одного. А может, никакой книги судьбы нет вообще, выдумки все это. Родился человек, и в небесной канцелярии завели небольшую тетрадь, положили в ячейку на полочку, подобно истории болезни в регистратуре медицинского учреждения. Каждый год, в одно и то же время, скажем в день рождения, заполняют очередные странички, и только от самого человека зависит: что это будет — многотомное издание для беспорядочного чтения или тоненькая брошюрка, да еще с грифом «для служебного пользования».

Так или иначе, но родился ровно в тринадцать часов и подал первый голосок в ту минуту, когда передаваемый по радио бой курантов Спасской башни Кремля известил о начале нового трудового дня в столице нашей Родины — Москве, в допотопном деревенском бараке, приспособленном под родительский дом.

Почему-то годы счастливого детства, когда еще очень мало обязанностей, зато достаточно много прав, почти ничего не сохранили в памяти. Маленький Яша, как и большинство его сверстников, сначала пошел в детские ясли, потом, как и положено, в детский сад, расположенный в том же здании, только войти надо было с другой стороны. Ему исполнилось четыре года, когда на торжестве в честь собственного дня рождения был представлен немногочисленной компании общих знакомых и друзей родителей, чинно восседавших за обильно накрытым столом. В комнату ввели маленького крепыша в белой рубашечке с бабочкой, вельветовых штанишках, застегнутых чуть ниже колен, голубеньких гольфиках и каких-то замысловатых туфельках. Поставили на стул, и он недоуменно хлопал глазками, не понимая, чего от него хотят взрослые. Когда первые восторги прошли, кто-то из гостей спросил:

— Мальчик, скажи, пожалуйста, как тебя зовут?

Неожиданно, даже для родителей, смешно коверкая слова, выпалил:

— Яков Валерианович Постников, — чем вызвал бурю смеха и аплодисменты.

Незнакомые люди как по команде поднялись со своих мест и начали складывать подарки на стоящую рядом тумбочку. Дяди дружески хлопали по плечу, гладили аккуратно подстриженную головку, а тети стремились обязательно поцеловать: кто в щечку, а кто и в лоб. Подарки отнесли в детскую комнату, где именинник так и заснул, играя с ними. И только утром мама принялась отмывать с его личика яркую губную помаду.

Едва малышу исполнилось семь лет, как вечером отец, придя пораньше с работы, усадил его на колени и сказал:

— Большим ты уже стал, сынок. В этом году пойдешь в школу. Начнется твоя трудовая беспокойная жизнь, которая покажется очень долгой. Чтобы прошагать по ней красиво, стремись во всем быть первым. Тогда тебя будут уважать. Живи достойно, прославляй нашу фамилию, свое имя.

— А почему меня называли Яшей? — задал отцу вопрос.

— В честь погибшего сына нашего вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина.

— А кто такой Сталин, папа?

— Великий человек. Подрастешь, сам поймешь. Я сохранил для тебя вот эти книги, — протянул руку и достал с этажерки одну толстую: «Краткий курс истории ВКП(б)», а другую потоньше: «Биография И. В. Сталина». Открыл первую страницу и показал портрет.

Маленький Яша тогда так и не понял, о чем хотел поведать отец. Только став взрослым, не один раз вспоминал тот разговор и каждый раз открывал что-нибудь новое для себя. А усатый дядька на фотографии в тот раз ему не понравился.

На выпускном вечере в детском саду, когда воспитательница Анастасия Кирилловна Колшина, которую многие дети из-за сложности произношения звали на свой манер «Кикилиловна», спросила, кем мечтает стать Яша, когда вырастет:

— Начальником НКВД, — выпалил не раздумывая, будто знал, что это такое.

— Но почему? — с трудом вымолвила наставница.

Не стал отвечать, словно воспитательница задала не совсем корректный вопрос.

Вечером мать строго спросила:

— Где ты все это слышал? Кто тебя этому научил?

— Никто меня не учил, — ответил, насупившись. Я — сам.

Во дворе большие мальчики рассматривали книжку. Говорили о каком-то дядьке из НКВД, которого боялся даже Сталин. Вот только не запомнил, как того зовут.

— Никогда больше так не говори. Это некрасиво. А тот дядя был очень плохим человеком.

В школу Яша пошел в радость, тем более, что оказался в одном классе с другом по садику Витькой Луцышиным. Они даже сели за одну парту, но их в тот же день рассадил. Яше досталась первая в среднем ряду, напротив учительницы Элеоноры Георгиевны Ивановой, а рядом — смешная девчонка Галя Педяш, отец которой работал на большом буксире в порту. Витька занял последнюю парту, но зато у окна, в которое можно было видеть проходящую невдалеке дорогу и все, что на ней происходит. Да и после уроков они почти всегда были вместе. Жили на соседних улицах — и что там какие-то триста метров для их возраста.

Обычно после школы, быстро сделав домашнее задание, Витька заходил за товарищем. Набирали полные карманы пряников и конфет, а иногда яблок или мандаринов, которые стояли у Постниковых в ванной комнате, и бежали в лес, росший сразу за огородом Луцышиных, и давали волю мальчишеской фантазии. Кем они только не были: юными следопытами и отважными покорителями горных вершин, загадочными индейцами и бесстрашными ковбоями, капитанами пиратских судов и неутомимыми путешественниками. Когда удавалось заарканить вислоухую соседскую дворнягу, то становились пограничниками. Строили шалаши, организовывали схроны, мастерили деревянные ружья, спорили, чья рогатка дальше и точнее стреляет. Но больше всего правилось играть в разведчиков. Один на время становился шпионом, прятался в укромном месте и должен был выкрасть секретные документы у штаба. Вторым отправлялся на поиски, но обязан был еще и зорко охранять вверенный ему объект. Теперь трудно вспомнить, кто из них чаще выходил победителем. Да и столь ли это важно, если обоим было интересно и хорошо. Став постарше, Витька не раз предлагал скрепить дружбу клятвой, расписавшись на бумаге собственной кровью, как показывали в кино; такой ритуал существовал с незапамятных времен у многих народов. Но Яшка считал, что настоящим друзьям достаточно твердого слова, а все остальное — просто пережитки средневековья.

Учился Яша Постников всегда хорошо, и его постоянно ставили в пример. Одному из первых в классе приколотили на бобочку октябрятскую звездочку, затем приняли в пионеры, избрали звеньевым; был председателем совета отряда, заседал в совете дружины, носящей имя Олега Кошевого. По мере продвижения по выборной лестнице росло число нашивок на рукаве школьной формы, чем очень гордился один из лучших учеников в школе.

Гром грянул неожиданно, в шестом классе, когда по итогам первой четверти учительница биологии Анна Николаевна Перхотько выставила в таблице тройку. Яша не знал, куда деться от стыда, и специально допоздна проболтался на улице. Но, видать, отцу с матерью уже сообщили. Как только переступил порог квартиры, спросили:

— Ну что, сынок, показывай дневник. Порадуй родителей перед праздником.

Ничего не оставалось делать, как, низко опустив голову, представить итоги своего труда. Отец перелистал дневник, несколько раз тяжело вздохнул и неожиданно для Яши промолвил:

— Она-то сама знает эту биологию?

Изворотливый детский ум моментально подхватил брошенную соломинку спасения.

— Знаешь, папа, на что я хорошо учусь — и то многое не понимаю из ее объяснений. Остальным приходится еще труднее. Пытаемся даже зубрить, но она все равно недовольна.

— Ладно, расфилософствовался. Чтобы в следующей четверти обязательно исправил.

После осенних каникул Анну Николаевну словно подменили. Входя в класс, будто становилась меньше ростом и все время старалась не смотреть в ту сторону, где сидел ученик, посредственно знающий ее предмет. Тем не менее пятерка была обеспечена. Яша смекнул, что к чему, и за время учебы несколько раз пользовался приемом, подсказанным отцом, если кто-то из учителей «не понимал ситуацию». Вечером, когда семья садилась ужинать, словно невзначай бросал заранее заготовленную фразу:

— У нас в школе историю ведет Нина Карповна, совсем не слышит старушка. Начинаешь отвечать у доски, а она по пять раз переспрашивает одно и то же. Кое-кто пользуется этим, всякую ерунду рассказывает. Даже как-то неудобно за нее.

Проходила неделя-другая — и учительница в разгар учебного года уезжала по «горящей» путевке в санаторий и больше в школе не появлялась. «Никогда не повторяться», — стало железным правилом юного Постникова. В другой раз говорил матери:

— Прочитал в газете, что в школе № 15 учительница математики получила звание «Заслуженного». Не понимаю, куда смотрит отдел народного образования. У нас учатся дети почти всех руководителей города, а алгебру преподает выпускница пединститута. Вот и валимся при поступлении в вузы.

И только одного человека, учителя физики Никиту Сопроновича Санарова, так и не удалось сломить. Того несколько раз вызывали в гороно, предлагали написать заявление о переходе в любую школу на выбор, но получали решительный отказ. Долбили до тех пор, пока участник войны, кавалер множества орденов и медалей не оказался в больнице с обширным инфарктом. Проболел почти девять месяцев, но вернулся в школу, и, после очередной профилактической беседы, во время урока случился второй приступ. Старый учитель тихо скончался на диване в кабинете директора, так и не дождавшись скорой помощи. Может быть, этот случай или что-то другое, но больше Якова Постникова в школе не донимали требованиями и меньше четверки никогда не ставили. Видать, никому не хотелось иметь лишнюю головную боль из-за сына первого зама председателя горисполкома.

Когда Яшке исполнилось четырнадцать лет, родители подарили магнитофон «Романтик». И не беда, что тот был громоздким, тяжелым, что трудно было достать бобины с чистой лентой. Главное — ни у кого из одноклассников такого чуда техники не было. А вскоре, вернувшись из командировки, отец привез фирменные записи в исполнении Эдит Пиаф. Сын мог часами слушать незнакомую музыку, но особенно поразила его песня «Джонни». Будучи обладателем такой редкой вещи, Яша стал завсегдатаем всех сборищ

подростков. Часто по вечерам протягивали длинный провод из квартиры первого этажа, и в небольшом скверике дома долго разносилась приятная музыка.

Однажды, едва закончив ужинать, отец попросил:

— Пошли, сын, в твою комнату, нам следует серьезно поговорить.

Яшка с тревогой взглянул на мать, но на ее лице ничего нельзя было прочесть. Пока шли, лихорадочно перебирал в памяти события последних дней. Вроде бы не было ничего, на чем мог проколотся.

— Вот о чем хотел потолковать, — начал Постников-старший, усаживаясь в кресло. — Ты парень большой, и надо определиться, с кем собираешься идти по жизни. Мы, люди с положением, нас уважают в городе, и хотелось бы, чтобы ты тоже общался со сверстниками соответствующего уровня. Пройдет совсем немного времени, и жизнь разбросает вас в разные стороны: одни уйдут в армию, другие поступят в институты, третьи вообще сменят место жительства. А у тех, кто нужен, пригодится в жизни, уже будет круг друзей, в который, поверь моему опыту, пробраться очень трудно. К сожалению, грядет такое время, когда кроме головы нужны и связи. Поэтому не разменивайся на шалопаев, никчемных людей, не трать попусту драгоценное время.

— Ты намекаешь на моего друга Витьку Луцышина?

— Я ни на кого не намекаю. Просто советую задуматься о жизни. Тебе выбирать, по какой дороге и с кем пойдешь. Можно по асфальтированной и быстро добраться до намеченной цели. А иные всю жизнь трясутся по ухабам, останавливаются поминутно, еле ползут, но так и не доберутся до пункта назначения. Так что соображай, Джонни.

— Откуда ты знаешь мое прозвище?

— Я много чего знаю, вот только не всегда сказать могу. Так что, договорились?

— Хорошо, подумаю, папа.

Вот только как быть с Витьком?

Вскоре подвернулся удобный случай. Сидели вдвоем на скамейке в сквере, болтали по пустякам. И тут его осенило:

— Скажи, Витя, можешь мне помочь в одном непростом деле?

— Для тебя без вопросов. Говори, что надо.

— Валерка Заживихин, из параллельного, попросил за десять рублей переписать музыку. Месяц прошел — ни денег, ни бобины. Пришлось включить счетчик: по двадцать копеек в день. Поговори с ним от моего имени. Мне как-то неудобно махать кулаками, отца подводить.

Виктор задумался. Наверное сразу сообразил, о чем его просят. Чуть помедлив, ответил:

— Встретимся завтра, на этом же месте, — и, не попрощавшись, скрылся в зарослях кустарника.

На следующий день, отдавая бобину и деньги, выглядел подавленным.

— Возьми, здесь все полностью, как в аптеке.

— Забери половину, это гонорар за работу. За помощь — спасибо.

— Не стоит. Я не за деньги обещал. Только давай договоримся, что больше с такими просьбами обращаться не будешь. Иначе нашей дружбе конец, — и так же быстро, как сутки назад, ретировался в ночи, даже не выслушав, что ответит товарищ.

— Что ни делается, все к лучшему, — удовлетворенно подумал Яшка. Он все правильно рассчитал, хотя терять Витька жалко.

А Заживихин почти целый месяц не выходил из дома, пока лиловые синяки и ссадины не поджили окончательно.

Первого сентября, сразу же после уроков, Яков Постников зашел в комитет комсомола школы, заполнил анкету. Вскоре стал первым комсомольцем в классе. Через полгода — группкомсоргом, а на следующий год — секретарем школьной комсомольской организации, членом горкома комсомола. Стараясь повысить свой престиж, стал писать заметки в городскую газету, подписываясь, как советовал отец, — Яков П. Вот только одноклассники все больше и больше сторонились своего «кореша». Если куда-то рекомендовали, выдвигали, избирали, то больше по привычке поднимали руки, выполняя пожелания учителей. Даже Галя Педяш, самая красивая девочка в классе, которая за эти годы из гадкого утенка превратилась в грациозного лебедя, демонстративно пересела на последнюю парту к Витьке Луцышину. Дружба, которая спланивала друзей столько лет, после того случая в одно мгновение дала трещину, грозя превратиться в огромную расщелину. Они по-прежнему здоровались, перекидывались двумя-тремя фразами и расходились в разные стороны. Однажды Галя, не выдержав, спросила:

— Скажи, Виктор, какая кошка пробежала между тобой и Постниковым?

— Кошка тут ни при чем. Давай замнем, для ясности, — услышала в ответ.

— Странный Яшка человек, как будто с двойным дном. Ведь это ужасно, правда? — словно отвечая себе на свой же вопрос, проговорила девушка.

Постников все это видел, понимал, и неукротимая злоба клокотала в нем все больше и больше.

— Еще не вечер, — шептал он, скрежеща зубами. — Вы еще узнаете, кто такой Яков Постников.

А в шестнадцать лет он стал мужчиной. Родители уехали по путевке в санаторий. Не знал, чем убить свободное время каникул, бесцельно болтался по городу. Одноклассники и друзья разъехались кто куда. Да и неинтересно стало с ними. Тянуло в компанию, где люди были постарше, знали побольше, говорили открыто, не признавая никаких условностей. Сегодняшний день вроде бы прошел неплохо. Полдня провалялся на пляже, попили пивка прямо на берегу, от чего шумело в голове. «Не стоило этого делать, — упрекнул себя, — пиво несвежее, да еще на жаре. Принять душ, переодеться — и на танцы. Приятели сказали, что подбирается неплохая компания.

— Молодой человек, вас можно на минуточку, — окликнул его незнакомый женский голос, едва взялся за ручку входной двери подъезда.

Оглянулся. Несколько раз видел эту разбитую девицу, жившую в соседнем доме. Она была немного старше и работала вроде бы на краболове. Слышал, как-то из взрослых как-то кинул ей вслед — «кораблятская».

— Вы меня?

— Вас, кажется, зовут Яковом? Довольно красивое и редкое имя, — игривым голосом продолжила незнакомка. — Давайте знакомиться: Вера.

— Очень приятно, — ответил, несколько смущаясь.

— У меня нескромная просьба. Сегодня — день рождения, должны прийти гости, а музыки нет. Можно вас пригласить вместе с магнитофоном?

Яшка остановился в нерешительности, не зная, что делать. Ведь обещал друзьям подойти, его будут ждать.

— Надо у мамы спросить разрешения, а ее пока нет дома? — язвительно, со смешком произнесла она.

Якова передернуло. Так с ним еще никто не разговаривал. Подумает, что какой-то желторотик, маменькин сынок.

— Просто не люблю большие шумные компании, вот и размышляю.

— Если надумаете, то через часик жду. Квартира номер шесть, — и, замурлыка в какую-то мелодию, вихляющей походкой направилась к своему дому.

«Придется идти», — принял решение, поднявшись на свой этаж. Подумает еще черт знает что, разнесет по улице, стыда не отберешься. Не понравится — оставлю магнитофон и слиняю.

Вера открыла, едва собирался постучать, словно ожидала, стоя за дверью.

— Вот и спасибо, что пришли, уважили одинокую скучающую девушку.

— А где же гости? — спросил он, входя в пустую комнату, где около дивана стоял накрытый стол.

— Запоздывают, скоро должны прийти. Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Только потом сообразил, что накрыто на двоих, но переспрашивать посчитал неудобным.

— Сейчас будем пить шампанское. Открывайте сами, а то у меня никогда не получается, обязательно разолью.

Открыл бутылку, наполнил фужеры.

— Скажите что-нибудь имениннице. Разрешите — присяду рядом. Становится сумрачно, а свет зажигать не хочется.

— Пусть этот год принесет вам удачу. Здоровья и счастья, — хрипло вымолвил гость, почувствовав рядом молодое, упругое тело, дурманящее незнакомыми духами.

— Спасибо, мой почитатель, — пригубила бокал, поставила на стол. — Поцелуйте меня вместо подарка.

Яша неумело, по-детски ткнулся в губы своей новой знакомой.

— О, да вы еще и целоваться по-настоящему не научились, — воскликнула она и в ту же секунду обвила шею руками, припала горячими губами так, что у него перехватило дыхание.

Не почувствовал, когда именинница успела расстегнуть брюки, приспустить трусы и судорожно вздрогнул, когда головка набухшей плоти оказалась у нее во рту. Шершавый язычок сделал несколько движений, тело словно пронзило электрическим током, и он обмяк. Вера, отпрянув, зажала мужское достоинство салфеткой так, что было неприятно и немного больно. Медленно приходил в себя, еще окончательно не понимая, что произошло. Откуда-то, словно издали, послышался ее голос:

— Теперь в ванну, титан нагрет. Я скоро. У нас все должно быть красиво и интеллигентно.

Через минуту-другую вошла вся нагая, так что невольно покраснел и опустил глаза. Не стесняясь, привычно обняла парня и, слегка подтолкнув в спину, проворковала: — Одеваться не обязательно. Возьми полотенце и хорошо разотрись. Кровать расстелена.

Ночь прошла в каком-то угаре: пили шампанское, целовались до одури. Он впадал в забытие, просыпался вновь, когда ее рука начинала настойчиво тереть мошонку, гладить неокрепшее достоинство. В очередной раз наваливался на эту сумасшедшую девушку, не задумываясь, что получится. Казалось, только закрыл глаза, как требовательный голос вернул к действительности.

— Все, Яшенька, вставай. Пора домой, пока соседи не проснулись. Могут родители всполошиться, почему не отвечает домашний телефон. Думаю не стоит объяснять, что надо отвечать на дурацкие вопросы.

— Угу, — только и смог промычать.

Весь день провалялся дома. Сначала отсыпался, затем вспоминал происшедшее. Идти никуда не хотелось. Тело ныло, словно всю ночь разгружал вагоны. А если встретится Вера? Стыдно. Какой из него партнер? Так, ноль без палочки. Нет, сегодня ни шагу из дома.

Вечером несколько раз настойчиво звонил телефон. Не было никакого желания отвечать, но вдруг что-то срочное у друзей.

— Слушаю вас.

— Добрый вечер, Яшенька. Ты оставил магнитофон. Зайди, забери, а то могу срочно уехать.

Действительно, как он забыл. Вдруг родители поинтересуются, где оставил, потребуют принести. Заберу у порога — и назад. Девушка открыла дверь. Что-то буркнул наподобие «Здравствуйте» и пошел к столу. Взял «Романтик», коробку с бобинами, оглянулся: и замер. Вера стояла, расстегнув яркий халат, под которым ничего не было. Упругие груди, большие соски цвета спелой вишни дразняще манили. Во рту мгновенно пересохло, рука непроизвольно дернулась.

— Ты что, собрался девушку одной рукой обнимать? Поставь на место бандуру, включи какую-нибудь музыку, и пошли в комнату.

Яша безропотно повиновался ее словам. В спальне горел маленький ночник, и светлым пятном выделялась белоснежная постель.

Разве много надо для любви —

Только ночь, да жаркие сердца:

— выводил мелодию голос неизвестной певицы.

— Смелее, Ромео, не стесняйся, — томно проворковала, укладывая руку подростка себе на грудь. — Ты добросовестный ученик, хотя и подготовительного класса. Я — опытная учительница, которая должна научить тебя основам интимной жизни. От секса получают удовольствие тогда, когда гармония партнеров достигает наивысшей точки. Здесь не должно быть разделений, мужчина или женщина, двое равноправных, которым не нужны слова, понимают друг друга на расстоянии. Самые мудрые в этом деле китайцы: они много веков отбирали все самое лучшее, до чего додумалось человечество. Их антология интимной жизни — как учебное пособие не только для начинающих,

но и для людей, проживших вместе не один год. То, чем мы занимались вчера, называется «игра на флейте». А сегодня освоим «полет ночной бабочка у горящего костра».

Так продолжалось десять дней. Однажды Вера даже похвалила:

— Ты способный парень, все схватываешь на лету: Но с завтрашнего дня у нас будут небольшие каникулы.

— Почему? — обомлев, спросил он.

— Потому, что «потому» оканчивается на «у», — шутливо приложила палец к его губам. Во-первых, тебе надо просто отдохнуть, набраться сил. Посмотри на себя в зеркало: осунулся, круги под глазами. Приедут предки, и что ты им объяснишь? В порту ночами работал, на пропитание зарабатывал, потому что мало денег оставили? Так что отсыпайся. А во-вторых, у меня не сегодня-завтра начнутся месячные. Это-то не надо объяснять что такое? Все равно нужен перерыв.

— Но мы еще встретимся снова?

— Конечно, милый, если у тебя не пропадет желание. Ведь за каждым каникулами неминуемо начинается учебная четверть.

*Разве много надо для любви —
Только ночь да жаркие сердца.
Мы с тобой пробудем до зари,
Чтоб успеть расстаться у крыльца.*

Теперь уже Яков Постников смотрел на одноклассниц — других девушек — совершенно иными глазами. Если его товарищи украдкой бросали взгляды на те места, где у девчонок выделялись под школьной формой небольшие бугорочки будущих грудей, то он смотрел прямо, мысленно раздевая каждую из них, пытаясь представить, что может скрываться под ситцевой кофточкой или крепдешинным платьем, чем не одну из них приводил в смущение. Не раз ловил себя на мысли, что со знанием дела смотрит вслед уходящим, критически оценивая стройность несущих ножек и то, откуда они растут. Чувствовал себя настоящим мужчиной и лишь презрительно улыбался, если в компании или на перемене вдруг возникал вопрос о взаимоотношении двух полов.

Почему именно это пришло на ум после объявления приговора суда, пока шагал в окружении милиционеров с суровыми лицами, держащих руки на расстегнутых кобурах, откуда отчетливо выделялись отполированные временем рукоятки табельного оружия.

Вон раньше знакомый только по кинофильмам черный воронок, который повезет его в тюрьму, в камеру-одиночку для смертников. Даже не сразу понял, что участвующий в деле — один из адвокатов, не бросивший в последнюю минуту, подобно некоторым, старый, добрый Моисей Абрамович Рузвич, успел сказать:

— Не все потеряно, Яков Валерьянович. Крепитесь, не падайте духом. Сейчас другие времена, будем готовить кассационную жалобу. Мы еще поборемся.

Воспоминания далекого детства отвлекали, не давали осознать всю тяжесть вынесенного решения суда. «Финита ля комедия», — сколько раз повторял эту банальную, избитую фразу, когда дело касалось других. Может, и сегодня кто-то бросил ему вслед такие же слова. Вот и все. В который раз за последнее время повторялся один и тот же вопрос:

А с чего собственно все началось?